

УДК 39(470.5)

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО ТАТАР-КАЗАКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)

© 2016 г. Н.А. Халиков

Традиционное хозяйство татар-казачков Южного Урала во второй половине XIX – начале XX вв. определялось особенностями их социального положения. Это многоземелье, налоговые льготы, следствием чего были масштабное земледелие и скотоводство, развивавшиеся по предпринимательскому, капиталистическому пути.

Хозяйственная культура казаков имела в основном общие черты с поволжскими татарами в целом. Но были и особенности: переложная система земледелия, ведущее место пшеницы на полях, приемы уборки и обмолота урожая; полукочевое скотоводство. Следствием ведущей роли сельского хозяйства зажиточных казаков было слабое развитие промыслов и ремесел в их среде. Нужно также различать особенности хозяйства казаков-мусульман и православных нагайбаков. Также следует учитывать влияние степной природной среды Южного Урала на хозяйственную культуру местного населения.

Ключевые слова: Оренбургские казаки, природная среда, социальное и экономическое положение, земледелие, скотоводство, промыслы.

Традиционное дооктябрьского периода хозяйство уральских казаков-татар, хотя и развивалось, в общем для поволжских татар русле, все же обладало рядом особенностей, отличительных черт. Причина этого кроется в служилом социальном положении казаков, что подразумевало обширное землепользование и налоговые льготы. Приуралье и Южный Урал рассматриваемого времени были регионом интенсивного развития производящего хозяйства по капиталистическому (фермерскому) пути. Ведущую роль в многоземельном регионе у местного, в том числе и татарского казачьего населения принадлежали земледелию и скотоводству, обрабатывающей промышленности, торговле. Прочие отрасли хозяйства не играли существенной роли. Сказывалась и конфессиональная принадлежность части казачьего населения Южного Урала – татары-нагайбаки были православными по вероисповеданию. Наконец, на особенности экономики, структуры хозяйства и культуры казаков заметное влияние оказывали природные условия Южного Урала.

Географически регион входит в лесостепную, степную и горную природные зоны с резко континентальным климатом. Зимы на Южном Урале морозные, когда температура достигает 45°, малоснежные, да и снег сильными ветрами сдувается со склонов. Поэтому и почва нередко промерзает на глубину до метра. Весна дружная, но с частыми возвратами холодов. Лето жаркое и сухое. Господствующий почвенный покров – обыкновенные и тучные черноземы, в рассматриваемое время еще далеко не выпаханые, не требовавшие удобрений и дававшие прекрасные урожаи зерновых и трав. До второй половины XIX в. в Верхнеуральском уезде Оренбургской губ. еще сохранялись сосновые, березовые и осиновые леса (Атнагулов, 2007, с. 43). Как увидим ниже, эти экологические особенности сказывались на структуре хозяйства и агрикультуре.

Во все время существования Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.) землепользование служилых татар отличалось значительными размерами. Изначально (1736 г.), крещеным татарам Нагайбацкой крепости и окрестных деревень за участие в подавлении башкирского восстания (1733–1735 гг.) государственным указом были выделены прежде принадлежавшие башкирам земли в радиусе 50 верст от селений нагайбаков. Много земли было назначено собственно оренбургским казакам. Так, в пос. Чебеньки Оренбургского уезда в конце XVIII столетия на двор насчиталось 85 дес. земли (Искандеров, 1979). А в пос. Линевка того же уезда в первой трети XIX века на каждый двор приходилось почти 400 дес. земли (АОЭ, дневник 1985 г.). По указам 1818 и 1832 гг. казакам и мещерякам (служилым мишарям) Приуралья на душу м.п. полагалось не менее 30 дес. земли (Материалы, 1877, с. 38), верхнеуральским нагайбакам при поселении на Новой линии полагалось 30 дес. на душу м.п. И позднее, земли в пользовании казаков было достаточно много: в пос. Касель Верхнеуральского уезда в середине XIX в. на душу м.п. приходилось 42,7 дес.; в пос. Требия в 1870 г. – до 35,3 дес. земли, (Атнагулов, 2007, с. 54, 61–62; Статистические... на 1859 год.). По причине обилия земли у казаков пашни занимали лишь незначительную часть земельной дачи: в пос.

Остроленка, в частности, во второй половине XIX в. распахивали только 3,5% всей земли (Атнагулов, 2007, с. 61). Даже в начале XX столетия по закону совершеннолетним казакам – нагайбакам полагалось 21–24 дес. земли (Халиков, 1995 а, с. 19). Особенно бросается в глаза сравнение с обеспечением земель крестьян-татар Среднего Поволжья. В Казанской губ., например, в конце XIX в. у татарских крестьян на душу м.п. приходилось 3,2 дес. земли (Халиков, 1995 б, с. 19). Из-за малоземелья в западных губерниях Поволжья пашня у татар нередко занимала едва ли не весь земельный надел, как это было, в частности, в д. Муравлейка Сергачского уезда Нижегородской губ., где распахивалось почти 95% земельного надела (Глотов, 1929, с. 17). Земли у казаков было так много, что небогатые татары нередко сдавали личные наделы кулакам своей деревни, либо русским соседних деревень. До 1917 года земли было «сколько угодно», «без счета», «много пустых участков»: так вспоминали, в частности, старики ст. Мухраново Уральского казачьего войска (АОЭ, дневник 1985 г.). Размеры пахотных участков, нередко, никто не ограничивал. Поэтому состоятельные хозяева засеивали по 50–100 десятин. Только сенокосы, даже обширные, делили по паям, по душам.

Южный Урал рассматриваемого времени входил в зону предпринимательского фермерского сельского хозяйства. Товарный хлеб шел на продажу; поступал в Оренбург, Самару, Чистополь, оттуда – в российский центр и далее, за границу.

Такое положение с обеспечением земель сказывалось на структуре хозяйства, на быте и культуре казаков. Обширные земли в их пользовании, использовавшиеся в качестве сенокосов, обусловили масштабное развитие, наряду с земледелием, скотоводства. Вместе с тем, достаточно высокое благосостояние казаков сказалось, как увидим ниже, на слабом развитии у них промыслов и ремесел.

Земледелие татар-казаков Южного Урала в общих чертах не отличалось от этой отрасли хозяйства поволжских татар, пашенных земледельцев лесной и лесостепной полосы, в целом. И все же агрикультура казаков на обширных степных пространствах имела своеобразный облик.

На Южном Урале среди казаков прежде господствовала залежно-переложная, а во второй половине XIX – начале XX столетий – переложно-паровая система земледелия. В этом случае 2–3 года засеивалась часть наделной земли общины, а затем такой участок забрасывался на 4–5 лет для отдыха в перелог (Сообщения Р.Г.Игнатьева. Л. 23–25; Труды. XXVII, с. 113). Распахивался новый участок почвы, а тот, что переходил в залежь (перелог), использовался под пастбище. Сроки пашни и перелога в отдельных селениях казаков различались, но способ восстановления плодородия почвы до начала XX века был почти неизменным. Плодородной земли было очень много; границы земельной дачи пос. Алабайтал Оренбургского уезда, например, отстояли от селения на 25 верст (АОЭ, дневник 1981 г.). По этой причине пашню в регионе не удобряли. Между тем, унавоживание пашни было почти обязательно для Среднего Поволжья с царившими там выпаханнми серыми лесными малоплодородными почвами. У многоземельных казаков во многих случаях отсутствовали регулярные переделы наделной земли, особенно пашни, что было почти непрременным для крестьян Волго-Камья. Впрочем, по мере роста плотности населения на Южном Урале к концу XIX в. сроки отдыха переложной земли сокращались, превращаясь в годичный пар.

Сухое лето и отсутствие посевов озимых хлебов обусловили такое распространенное у казаков агротехническое мероприятие, как подъем зяби: осенью поля после снятия урожая не распахивали до весны, а оставленная на зиму высокая стерня помогала удерживать снег, создавая в почве запасы влаги. С этой же целью в Зауралье сеяли «наволоком»: весной зерно высевали по прошлогодней стерне, тотчас запахивали и бороили (Халиков, 1995 а, с. 20).

Озимой ржи, в отличие от Поволжья, почти не было, поскольку в морозные бесснежные зимы на Южном Урале рожь часто вымерзала. По этой причине посевы озимой ржи, например, в пос. Варна (конец 1870-х гг.) составляли только одну десятину(!), а яровых хлебов – более 2 тыс. дес., в том числе пшеницы 1500 дес. (Статистические ведомости..., л. 124). Соответственно, паровой севооборот имел форму не обычного для России трехполья (озимые – яровые – пар), а двуполья (яровые – пар). Из разнообразных яровых ведущее место на полях казаков занимала твердая и мягкая пшеница (*бодай*), первым хлебом высевавшаяся по целине. Пшеница имела высокую товарную ценность, что приносило значительные доходы в экономику казачьих хозяйств, и обуславливала большие площади посевов этой культуры. Так, в Оренбургской губ. в конце XIX в. сборы пшеницы составляли почти 53% всех хлебов (Кулябко-Корецкий, 1903, с. 14). Возделывали также овес (*солы*), как фуражную культуру, в меньшей степени просо (*тары*), ячмень (*орпа*), пшеницу – полбу (*брай*) и горох (*борчак*). Из технических культур выращивали лен (*элон*, *жигтен*) и коноплю (*киндер*). Обращает внимание почти полное отсутствие посевов гречихи, чечевицы, хотя эти культуры

хорошо приспособлены к условиям степной полосы и плодородным землям. Черноземные почвы в пользовании казаков обеспечивали их высокими урожаями зерновых. Так, в 70-е гг. XIX в. отмечалось, что у нагайбаков Верхнеуральского уезда «..урожаи всегда с избытком» (Оренбургский).

В соответствии с местными природными (почвенными) условиями и системой земледелия были пахотные орудия.

Почти до конца XIX в. наиболее распространенным, часто и единственным пахотным орудием на Южном Урале был тяжелый деревянный плуг (*сабан*) с передком, лемехом, резцом и деревянным отвалом. Сабаны были того же вида, что и описанные И.Лепехиным, Г.Фирстовым плуги (Халиков, 1995б, с. 49–53). Современник в Оренбуржье называл его «татарским сабаном» (Распопов, 1884, с. 208). Громоздкий плуг хорошо справлялся с подъемом тяжелых задернованных пашен залежей, но требовал упряжки в 4–6 лошадей или волов. Малоимущие казаки в таких случаях образовывали «супругу»: объединяли тягловых животных из нескольких хозяйств и по очереди пахали свои участки.

В конце XIX столетия в Приуралье стали распространяться усовершенствованные плуги – полусабаны («кунгурские, курашимские сабаны», «сохи-колесухи») (Халиков, 1995б, с. 52–53), а на рубеже XIX–XX столетий начинают внедряться фабричные плуги отечественного (Воткинского завода, в частности) и зарубежного (шведские, особенно немецкие) производства. Их покупали в кредит в Оренбурге. А вот традиционных в Европейской России того времени сох у казаков во второй половине XIX в. практически не было, так как соха была непригодна для пахоты тяжелых целинных земель. Впрочем, к началу следующего столетия, по мере экономической дифференциации казачьего сообщества, появления малоимущих домохозяев, расширения паровой системы земледелия соха начала распространяться и на Южном Урале. Чаще под названием соха (*агач сука*) в рассматриваемое время здесь встречались усовершенствованные сохи-односторонки типа курашимок и легких полусабанов.

Для плотных черноземных почв применялась почти исключительно тяжелая деревянная борона (*тырма*) с железными зубьями. С конца XIX в. на полях казаков появляются полностью железные бороны и треугольные бороны – экстирпаторы (Халиков, 1995 а).

Сеяли, пожилые опытные казаки вручную из пудовки-тубала (*юкэ кисмэк*), емкостью в один пуд, либо из мешка.

Поспевшие хлеба убирала серпом (*урак*). Для жатвы, особенно при больших урожаях, широко применялась коса-литовка с грабельками (*тырмалы чалгы*), как это было, в частности, у земледельцев Троицкого уезда (Сельскохозяйственный обзор.. 1915, с. 9). Перед I мировой войной широко распространились жнейки, лобогрейки и т.п. (АОЭ, дневник 1982 г.).

Сжатый и связанный в снопы хлеб ставили на поле для просушки и дозревания в копны. Это были островерхние клады типа суслона (*сослан*) и бабки (*бэбкэ*) из 9–12 снопов, типичные для агрикультуры крестьян лесной полосы. В регионе обычными были и горизонтально выложенные из 20–50 снопов клады типа *скамья* и *зурат*, более соответствующие засушливому жаркому климату. Встречались и кладь *дунгыз* из одного ряда снопиков проса, а также *каз аяк* из 12 снопов, выкладываемых крестообразно, наподобие клады «крест, крестец» в южнорусской и украинской агрикультуре. Широко распространенная у поволжских татар копнообразная кладь снопов, известная как *чумала*, оренбургскими казаками применялась только для хранения сена. Наконец, на гумне хлеба на длительное время укладывали в типичную для татар большую, из 1–3 тысяч снопов кладь-скирду *кибэн*. Отличия ее было только в отсутствии помоста, на который обычно устанавливали *кибэн* поволжские крестьяне – татары; при сухом климате Южного Урала в помосте не было необходимости.

По причине жаркого климата в регионе не прибегали к предварительной, до молотбы, сушке снопов. Поэтому, овины в хозяйствах казаков Южного Урала (по направлению от северных к южным уездам Оренбургской губ.) исчезали, либо вовсе отсутствовали; в таких случаях тогда говорили: «молотили сыромолотом». Исключением были лишь селения Троицкого уезда, где иногда встречались простейшие овины-шиши и срубные ямные овины (*эвен*) с печью. В начале XX в. и там овины выходят из употребления.

Обмолачивали снопы на гумне (*ындыр*) вблизи усадьбы, но обычно, поскольку урожаи были велики, а посевы располагались вдали от поселка, молотили прямо в поле, на дороге близ участка пашни, где и устраивали импровизированный ток.

Ток (*ындыр табак*) на гумне в этом регионе чаще был круглой в плане формы со столбом в центре. Это диктовалось обычным способом молотбы снопов копытами лошадей, привязанных

арканом к столбу. Молотили также молотильным камнем, колесами телеги. Небогатые казаки, у которых не было много хлеба, молотили цепом (*тәпәч, субагач, чабагач*) севернорусского типа. Впрочем, чем южнее были селения, больше урожаи, тем реже применялся цеп, либо его не было совершенно. С конца столетия начали быстро распространяться молотилки, конные и даже паровые, активно вытеснявшие прежние способы молотбы. Ток располагался под открытым небом, но у зажиточных казаков встречались молотильные сараи (*лапас*). А вот специальных сараев-мякинников местные казаки-татары не сооружали, поскольку урожаи были слишком велики. Мякину, если и хранили, то на гумне в кучах, просто накрыв соломой.

Провеивали обмолоченное зерно прямо в поле лопатами; при больших урожаях зажиточные казаки, особенно к концу XIX столетия применяли ручные и конные веялки. Уже вернувшись с поля на усадьбу, окончательно очищали зерно решетом-грохотом (*шләк*).

Для переработки зерна в муку употреблялись мельницы *тегерман*, водяные и ветряные; тех и других было, приблизительно, равное число. В начале XX века появились даже паровые мельницы, как у казаков ст. Алабайтал, Никольской и др. (АОЭ, дневники 1981, 1985 гг.). Обычными во дворах были деревянные либо каменные ручные мельницы (*кул тегермане*). Для приготовления крупы применяли конные крупорушки, ступы (*килә*) обычного вида. У хозяев Южного Урала встречались и ножные ступы и ступы, у которых било крепилось к высоко расположенной гибкой жерди.

Запасы зерна и муки хранили в клетях (*кләт*), срубных однокамерных, у зажиточных казаков и двухкамерных, насыпая в ящики (*лар*). В Верхнеуральском уезде встречались также клетки из камня, поскольку здесь частыми были выходы этого природного строительного материала.

Овощеводства у казаков татар-мусульман Южного Урала практически не было; необходимое покупали у русских в соседних селениях, на местных рынках. Нередко овощей не употребляли вовсе (ст. Желтое Орского уезда, например), считая их «русской едой» (АОЭ, дневник 1981 г.). В начале XX в. в хозяйствах стал появляться картофель (*бәрәңгә*). Овощеводством занимались преимущественно лишь крещеные нагайбаки, в чем сказалось влияние русских соседей, а также необходимость держать православные посты. И если казаки-мусульмане понемногу и далеко не везде выращивали репу (*шалкан*), тыкву (*кабак*), то в огородах у нагайбаков можно было увидеть еще и огурцы (*кыяр*), лук (*суган*), свеклу (*чөгендер*), морковь (*кишер*), капусту (*кәбестә*). Климатические условия Южного Урала, особенно в самых южных волостях, способствовали развитию у казаков масштабного бахчеводства на ежегодных новинах; арбузы и дыни нередко заменяли у них все другие огородные культуры.

А садоводства у казаков в рассматриваемое время практически не было, что было следствием континентального климата, суровых зим. Современник, говоря о нагайбаках (что можно отнести к татарам-казакам Южного Урала вообще) отмечала: «О садоводстве не имеют понятия, да оно и бесполезно при здешнем суровом климате» (Бекетова, 1902, с. 169). Вместо этого довольно активно собирали дикорастущие плоды и ягоды. Особенно много ягодных кустарников: рябины, смородины, вишни, терна и др. росло в пойме Урала.

Важнейшей после земледелия, нередко у зажиточных казаков и ведущей отраслью хозяйства, было животноводство (скотоводство). Во второй половине XIX в. даже иногда отмечалось, что в Оренбургской губернии скотоводство развито более земледелия (Распопов, 1884). Тем более, такие свидетельства были характерны для татар – казаков и мещеряков периода первой половины того же столетия. И.Дебу писал в это время, что главный их промысел – скотоводство, звероловство и пчеловодство (Дебу, 1837, с. 55,85). Известны были богатые казаки, державшие многие сотни и тысячи овец (Халиков, 1995 а, с. 24). Или, в пос. Варна в конце 1880-х гг. на двор приходилось более 18 голов скота (Статистические ведомости. Л. 124), а в ст. Озерки зажиточные уральские казаки держали по несколько десятков кобылиц; в их обществе было 4 стада по 150 и более голов только крупного рогатого скота (АОЭ, дневник 1981). Широкомасштабному скотоводству способствовали обширные земли, пастбища и сенокосы в пользовании служилого населения. В пос. Ключевский–2 Троицкого уезда, например, выгон занимал земли на расстоянии до 1–2 верст от селения (Халиков, 1995а, с. 23). Сказывалось и влияние соседей, полукочевых скотоводов: башкир, казахов, а также ногаев и калмыков.

Скотоводство казаков носило пастбищно-стойловый характер. Летом скот выпасался с пастухами. Поэтому селения, поля, выгоны были, в отличие от лесной полосы Поволжья, более западных губерний, неогороженными. На зиму скот помещался в срубные, саманные, каменные, плетневые хлева (*абзар*) и конюшни (*ат абзары*), в загородку из жердей (*карда, утар*). В сильные морозы животных, особенно молодняк, держали в избе. Основным кормом домашних животных в стойло-

вый период было сено, зерно (овес, ячмень, рожь). К тому же молодняк нередко вскарммливали цельным, а не снятым молоком. Поэтому скот у казаков вырастал сильным и крупным. На российских выставках до 1917 г. экспонировавшиеся местные быки весили до одной – полутора тонн! (АОЭ, дневник 1981 г.). Но бытовали и проблемы. Важнейшими из них были эпизоотии (в частности, сибирская язва, чума скота), периодический массовый падеж скота, как следствие прогона скота из степей Казахстана в центр. По этой причине, например, только в 1864 г. в Оренбургской губ. погибло более 13 тыс. голов домашних животных (Годовой. Л. 13–13об).

Часто у зажиточных домохозяев не было экономической возможности заготавливать столько сена, чтобы его хватало для зимнего стойлового содержания многотысячных стад. Поэтому табуны лошадей и отары овец у многих казаков круглый год выпасались на пастбищах, причем зимой тебеневали, т.е. добывали корм из-под снега. Так, в частности, еще в середине XIX в. писали о выпасе скота мешчеряками и частью казаков (Военно-статистическое, 1848, с. 62). Практиковали, как и кочевые соседи, башкиры, казахи, летовки (*жэйләу*) и зимовки (*кышлау*) на удаленных пастбищах-хуторах (*утар, заимка*). Нередко там сооружали временные или постоянные жилища: шалаши из жердей и соломы (*кубыш, алачык*), землянки или наземные пластовые, срубные избы с чувалом, с хлебопекарными печами. Там же были и хозяйственные постройки. Неподалеку могли располагаться пашни. На хуторе часто летом жила вся семья. С собой вывозили даже домашнюю птицу. На зиму со скотом оставались молодые члены семьи, наемные рабочие. Обычной была и практика отдавать на год-два молодняк скота для выпаса в стада казахов, башкир. Следует отметить, что и по составу стада (лошади и овцы), и по способам содержания скота уральские казаки были похожи на своих полукочевых соседей.

Из видов скота предпочтение отдавалось овцам и лошадям, поскольку эти животные могли зимой тебеневать. Кроме того, строевые лошади много значили в казачьей службе, поэтому их содержанию уделялось особое внимание.

Лошади (*ат*) казаков были монгольской породы, в России известные как башкирские или киргизские, низкорослые, но выносливые и неутомимые, приспособленные для верховой езды. Крупный рогатый скот (*сыер*) у казаков был калмыцкой или киргизской породы мясного направления. Такой скот называли еще и «линейным», поскольку его держали, прежде всего, казаки, расселенные по Новой линии. Считалось, что кряшены, том числе и казаки лошадей не ели (за это грозило отлучение от церкви), а на деле, хотя и тайком, конину охотно употребляли в пищу («самое чистое мясо»). Овец (*сарык*) разводили как русской, так и курдючных ордынской или башкирской породы (Атнагулов, 2007, с. 77–79; Халиков, 1995 б, с. 125). Причем, овец было много, поскольку казаки, как татары вообще, испытывали особое пристрастие к баранине (Атнагулов, 2007, с. 79). Малоимущие казаки держали коз (*кэжэ*). Были в хозяйствах крещеных нагайбаков и свиньи (*дунгыз*), но к ним, как и кряшены Поволжья вообще, относились с пренебрежением, не употребляли в качестве обрядовой пищи. Этих животных нагайбаки в начале XX столетия чаще разводились на продажу (Халиков, 1995 а, с. 24). Завершая рассмотрение данной темы, следует еще раз отметить, что на размах животноводства у казаков Южного Урала повлияли местные природные условия и многоземелье, а также влияние полукочевых скотоводческих соседей, башкир и казахов. Сказалась и инкорпорация в состав казаков кочевых ногайцев и калмыков (Атнагулов, 2007, с. 81).

Татары-казаки, прежде всего нагайбаки, охотно занимались выращиванием домашней птицы. Современник отмечал, что «откармливание домашней птицы для продажи особенно развито в Верхнеуральском уезде у нагайбаков» (Сообщения Р.Г.Игнатьева. Л. 54 об). Держали кур (*тавык*), гусей (*каз*), меньшим числом уток (*урдэж*) и индеек (*куркэ*).

Определенное, хотя и небольшое место среди казаков имела охота с ружьем, с применением капканов, силков, ловчих ям. Объектом добычи были лисы (*төлке*), волки (*буре*), косули (*кыр кэжэсе*), зайцы (*куян*), барсуки (*бурсык*). Охотились также на тетеревов (*кыр тавыгы*) и глухарей (*урман тавыгы*). В целом способы охоты казаков Южного Урала скорее носили «лесные» черты, в чем сказывались прежние, до переселения, традиции. Возможно, в таком развитии способов охоты следует усматривать и следы финно-угорского населения, когда-то участвовавшие в этногенезе кряшен (Атнагулов, 2007, с. 82).

Рыболовство если и практиковалось, то по большей части любительское: удочками, бреднями. Лишь казаки, жившие по Уралу, относились к этому виду деятельности с большим вниманием; арендовали участки реки, использовали более уловистые снасти: сети (*ау*), неводы (*созгыч*), вентиря (*ветиль*), морды (*мурда, нарэтэ*), переметы (*перетяг*). На небольших реках, Сакмаре в частности, устраивали плетневые заплоты (*созгыч*) с мордой в центре. Для рыбной ловли использовали

сделанные самими же лодки-долбленки из осины, тополя. Но основной, ориентированный на продажу, улов рыбы приходился на зимнюю и весеннюю путину. Этим отличались жители селений по Уралу.

Пчел держали понемногу, до 10–12 ульев лишь зажиточные казаки. Колодные ульи (*тәп умарта*) летом помещали на усадьбе, на околице либо подвешивали на деревья; на зиму убирали в подпол избы или в специально сооруженную землянку (*баз, пчельник*). Но пчеловодство у местных жителей, особенно в Оренбургском и Орском уездах, далеко не всегда имело место. Характерное свидетельство: в 1848 году Начальник штаба Оренбургского казачьего войска доносил военному губернатору, что «В станице Подгорной по неудобному для пчел климату пчеловодство совершенно бесполезно и пчелы переводятся» (Коростин, 1967).

Как отмечалось выше, в целом зажиточным оренбургским казакам и нагайбакам, жившим земледелием и скотоводством, острой необходимости в дополнительных приработках не было. При этом едва ли не решающее значение имела степень обеспечения землей. Так, например, у малоземельных крестьян д. Рештибуляково Оренбургского уезда из 170 душ м.п. жителей, промыслами занимались 70 чел., а в зажиточной ст. Верхние Чебенки того же уезда – ни одного (Статистические ведомости. Л. 220–221, 288–289). Но развитие капитализма в России второй половины XIX в., углубление имущественного и классового неравенства, сложение группы малоимущих казаков все же обусловили некоторое распространение у них промыслов и ремесел.

Казаки занимались перевозкой хлеба, соляным извозом с копей Соль-Илецка к волжским пристаням. Соль на местных соляных озерах на продажу выпаривали и сами. Довольно много их работало на местных рудниках и приисках, на заводах, на добыче угля и смолы, на лесоповале и лесосплаве по рекам Белой, Уралу. В гористом Южном Урале, особенно в Верхнеуральском уезде, был развит промысел по добыче камня-плитняка в каменоломнях и шахтах, а также мела и гипса на продажу. Камень находил широкое применение в местном домостроительстве, чем занимались и татары-казаки.

Кустарные промыслы среди казаков имели незначительное распространение. Р.Г.Игнатьев отмечал, что мелкие ремесла встречались по селам Оренбургской губ. «...в виде исключения», или «...ремеслами занимались больше для своей надобности...» (Сообщения Р.Г.Игнатьева. Л. 1). Тем не менее, казаки были заняты в своих селениях в плотницком деле. Строили дома своим односельчанам, но ворота, наличники, фронтоны и другую «тонкую» работу выполняли пришлые мастера, русские, татары. Были и столяры, изготавливавшие простую мебель, коромысла. Некоторые участвовали в экипажном промысле: выделывали телеги, сани «простой конструкции», колеса, полозья. Были также кузнецы, портные. Немногие валяли войлок, изготавливали простые валенки. Почти в каждом селении у казаков были мастера, выделывавшие сырцовые кирпичи для печей односельчан. Женщины-казачки, в том числе и татарки, были заняты в давнем промысле по вязанию платков, шарфов, рукавичек из пуха местных коз. Выделывали (ткали) также полотно-армячину из верблюжьей шерсти. Среди кряшен – нагайбаков по давней традиции бытовал промысел по изготовлению лаптей. Причем лыко для этого дела специально доставляли из Башкирии.

Все эти ремесла у казаков были несложными и обычно в пределах своего селения, предназначенные почти исключительно для собственных нужд. А специализированные работы: плотницкие, кожевенные и шерстобитные, сапожные, портновские, красильные, ювелирные и некоторые другие выполняли приходившие из западных губерний, Казанской, Вятской, Симбирской высококвалифицированные мастера. Многие из пришедших оседали в городах региона на положении мещан; об этом свидетельствуют данные Всероссийской переписи 1897 г., указывающие высокий, 12,5, процент татар, занятых в Оренбургской губернии не сельскохозяйственными видами деятельности (Первая всеобщая, 1904).

Татары – казаки Оренбурга, Троицка, Каргалов и др. активно занимались мелкой и средней торговлей, в том числе с Казахстаном, Средней Азией. Работали также в сфере обслуживания: продавцами, приказчиками. И поэтому результаты переписи 1897 г. показывают высокий – 12, процент татар Оренбургской губернии, занятых торговой деятельностью (Первая всеобщая, 1904). В Каргалах-Сеитовой слободе еще в 1792 г. из 2674 жителей 1820 человек были торговцами (Губайдуллин, 1926, с. 60). Довольно много было мелких посредников-торговцев, скупщиков мяса, хлеба, шерсти, кож, ремесленных изделий.

Имела место среди казаков и предпринимательская деятельность. Многие, в частности в Сеитовой слободе, держали скотобойни, кожевенные, салотопенные, маслодельные «заводы». Были

среди них и организаторы промыслов. Так, один из баев ст. Никольской раздавал местным женщинам пряжу (козий пух) для вязания платков, покупаемую им у казахов (АОЭ, дневник 1985 г.).

Таким образом, в основе традиционного хозяйства татар-казаков Южного Урала во второй половине XIX – начале XX столетий было земледелие и скотоводство. Социальное положение и, как следствие, многоземелье, налоговые льготы обусловили интенсивное развитие хозяйства и зажиточность местного казачьего населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атнагулов И.Р. Нагайбаки. Опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2007. 243 с.
2. Бекетова Е.А. Нагайбаки (Крещенные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. СПб., 1902.
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии. СПб., 1848. Т. XIV. Ч. 2.
4. Глотов С.В. Сергачская деревня // Производительные силы Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1929. Вып. 2.
5. Годовой отчет Оренбургского губернатора о состоянии вверенной ему губернии за 1864 год // ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Ед. хр. 174.
6. Губайдуллин Г. Из истории торгового класса приволжских татар // Известия Восточного факультета Азербайджанского гос. университета. Востоковедение. Баку, 1926. Т. I.
7. Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837.
8. Искандеров Р. Верхние и Нижние Чебеньки // Ленинец. 1979. № 70–71.
9. Коростин Б. Из истории Кувандыкского района // Новый путь. 1967.
10. Кулябко-Корецкий Н.Г. Районы хлебной производительности Европейской России и Западной Сибири. СПб., 1903.
11. Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. Оренбург, 1877. Вып. I.
12. Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). Казань, 1995а. 144 с.
13. Оренбургский листок. 1878. № 45.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб., 1904.
15. Распопов П.Н. Оренбургская губерния в современном ее состоянии. Статистический очерк. Оренбург, 1884.
16. Сельскохозяйственный обзор Оренбургской губернии за 1913–1914 гг. Оренбург, 1915. В. II.
17. Сообщения Р.Г. Игнатьева по этнографии Оренбургской губернии // ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Ед. хр. 40.
18. Статистические ведомости о числе жителей Оренбургской губернии за 1881 год // ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 81.
19. Статистические ведомости по переписи населения Оренбургской губернии за 1868–1870 годы // ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 8.
20. Статистические сведения по Оренбургскому и Уральскому казачьим и Башкирскому войскам на 1859 год. // ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Ед. хр. 117.
21. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXVII. Оренбургская губерния. СПб., 1903.
22. Халиков Н.А. Хозяйственная культура нагайбаков // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). Казань, 1995а. С. 19–29.
23. Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). Казань, 1995б. 195 с.

Список сокращений:

АОЭ – Архив отдела этнологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
Душа м.п. – душа мужского пола

N.A. Khalikov

**TRADITIONAL ECONOMY TATAR-KAZAKS OF THE SOUTH URALS
(second-half XIX – the beginning XX centuries)**

Traditional economy of the Tatar-cossacks of the South Ural in the second-half XIX – the beginning of the XX centuries it was determined by the special features of their social position. These are mnogozemele, tax privileges result of which were scale agriculture and cattle breeding, that were being developed along the owner's, capitalist way.

The economic culture of cossacks had common features with the Volga Tatars a whole in essence. But there were the special features; the fallow system of agriculture, the key place of wheat in the fields, the methods of harvesting and threshing of harvest; semi-nomadic cattle breeding. The weak development of trades and crafts in their medium was the consequence of the leading part of the agriculture of prosperous cossacks. It is necessary to also distinguish the special features of the economy of cossack-Moslems and orthodox nagaybakov. Also should be considered the influence of the steppe natural medium of the South Ural on the economic culture of the local population.

Keywords: Orenburg Cossacks, natural medium, social and economic position, agriculture, cattle breeding, trades.

Сведения об авторе:

Халиков Наиль Альфредович – кандидат исторических наук, Национальный музей Республики Татарстан (г.Казань); E-mail: halikov51@mail.ru

Khalikov Nail Alfredovich – Candidate of Historical Sciences, National Museum of the Republic of Tatarstan (Kazan).